

Харитоновское золото

Оригинал здесь: [Либерея](#).

В крещенские лунные ночи по снежному тракту от Екатеринбурга до Исетского завода катаются кошевники на взмыленной тройке, запряженной в легкую кошеву...

В кошеве лежат друг на дружке пять человек, в собачьих дохах, подвязанных кушаками.

Ямщик правит стоя, закутанный в башлык. От коней валит пар, и за кошевой на санном следу играет свет месяца.

Нехорошо повстречаться с такою тройкой, не скроешься от нее в снежной равнине - горы далеко, перелески редки, гони что есть дух, и то нагонят... И хотя нет на кошевников управы, а под нынешний крещенский сочельник и на них нагнали страх.

Выехали они из Екатеринбурга все пьяные и доскакали вплоть до холмов, за которыми лежит Исетский завод... На раскатах кошеву стало трепать, ударяя отводом о сугробы, и хотели было воры повернуть коней назад, как показался впереди задок саней, запряженных в одиночку.

В санях спал человек, и лошадь шла шагом...

Ямщик в кошеве сразу осадил тройку; двое кошевников поднялись: один держал аркан, другой плетъ; ямщик спросил: "Готово?", свистнул по-разбойничьи, гикнул и хлестнул по коням.

Пронеслась тройка мимо саней, спящего в них седока захлестнул аркан и вынес на дорогу, а санки опрокинулись, и лошадь шарахнулась в сугроб.

Выкинутый седок волокся на длинном аркане за кошевой; петля захлестнула ему под мышки, и он, растопырясь, как черепаха, кричал низким басом: "Караул". Все это видел присевший неподалеку за кустом заводской конторщик - шатался он ночью по зайчикам - и рассказал потом всем на удивление, как проволокли кошевники седока, чтобы обеспамятел, сажень сто до поворота, где стоял столб... У столба тройка замедлила, и волокущийся человек, налетев на столб, схватился за него, влип, аркан, привязанный к задку кошевы, натянулся, и тройка стала...

Ямщик в башлыке обернулся и вдруг закричал не своим голосом:

- Руби, руби веревку, это Ванька Ергин.

Но неужто из-за одной Ванькиной силы трусились кошевники - народ отчаянный? Была, значит, иная причина? Причина действительно была.

Рассказывают, что от Харитоновского дома в Екатеринбурге до озера в городском саду (на озере по зимам каток) проделан еще в древнее время подземный ход.

Начинается он в подвале Харитоновского дома и завален дровами. Если дрова раскидать, откроется люк с кольцом, за которым двадцать ступеней ведут под землю к длинному коридору с наклоном и поворотом под озеро.

Коридор выложен кирпичами, покрытыми плесенью. Вдоль стен чугунные держала для факелов, и в конце железная с двумя засовами дверь,

За дверью же в подземелье сто лет назад жили, прикованные цепью, люди, чеканя для Харитонova золотую монету из собственных боярина рудников.

Неизвестно, кто осмеливался проникать туда, и, пожалуй, врут в городе, рассказывая, что в подземелье висит шкелетина на ржавых цепях, сторожа хозяйское золото. Кто ее видел?

Но в том-то и дело, что Ванька Ергин видел и через эту шкелетину нагнал великий страх на кошевников, поймавших Ергина в прошлом году точно так же на том же Исетском тракту.

Иван Ергин, занимаясь по мучной части при своем отце, от скуки гулял в трактире каждый вечер с субботы на воскресенье исключительно в компании с приятелем своим Володи Кротовым, служившим в палатке мер и весов.

А как закрывали трактир, шел Ергин на отцовский двор, запрягал мерина в санки и ехал пьяный бог знает куда, для того чтобы никто к нему с противной рожей не лез и не придирался, а на воле только снег да месяц, и попеть можно и подремать.

Однажды его в таком душевном расстройстве и накрыли кошевники (столба по дороге не было, чтобы ухватиться), проволокли верст пять, измаяли, раздели и пустили с богом...

"Не быть им живу", - сказал на такую маету Ергин. По прибытии пешком в Екатеринбург явился к приятелю Володе Кротову, все рассказал и просил совета, как ему кошевников изжить...

Володя Кротов был старичок с бритым подбородком, прокуренными усами, щуплый, пьяный